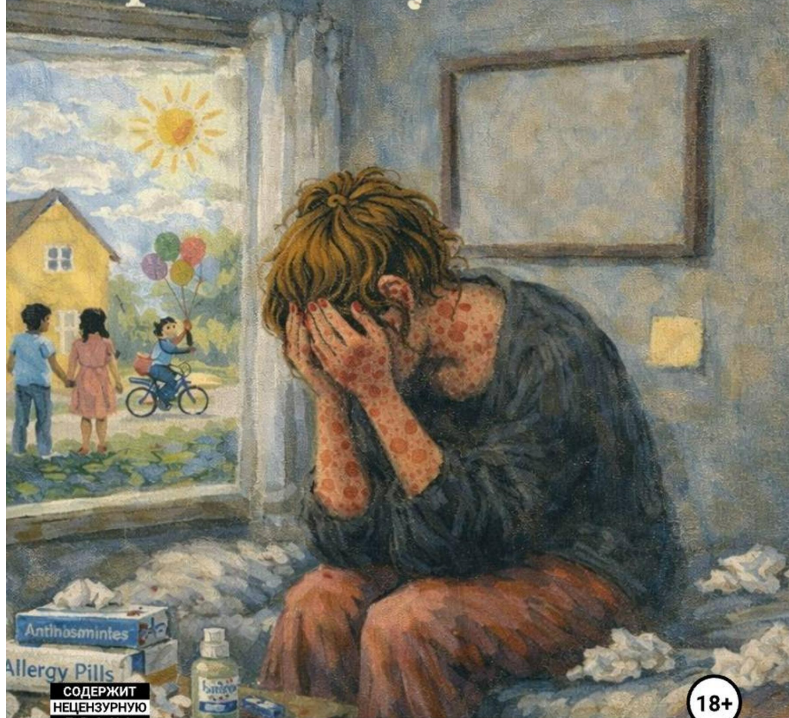

Аллергия на нормальную жизнь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэшбэк Иванович

Аллергия на нормальную жизнь

<https://litres.ru/74106043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герой, задыхаясь в клетке «успешной» жизни с её ипотекой, офисным рабством и духовной пустотой, чувствует, что организм отторгает эту «нормальность», как смертельный яд. Это аллергия. Аллергия на расписание, фальшивые улыбки и предсказуемое будущее. Его история - это опасный эксперимент по выживанию в среде, к которой у него нет иммунитета, и отчаянная попытка найти воздух, вырвавшись из душащих объятий чужого сценария.

Содержание

Пролог. Зуд.	4
Антиген	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кэшбэк Иванович

Аллергия на нормальную жизнь

Пролог. Зуд.

Он начинался тихо. Сначала как лёгкое, почти мимолетное щемление под рёбрами, когда в понедельник утром будильник разрывал сон на части, и сознание, еще влажное от сновидений, насильно вклинивалось в каркас предстоящего дня. Это было похоже на удар по голени – не смертельно, но оскорбительно. Потом зуд перерастал в тяжесть в висках, когда слова начальника «синергия», «фокус-группы», «перезагрузка бренда» - превращались в монотонно белое полотно, на котором вырисовывалась пустота. Я смотрел на губы,двигающиеся в чётком ритме, и думал о том, как давно я не слышал настоящего смеха. Не офисного хихиканья, а того, что рождается в диафрагме и сотрясает всё тело, заставляя забыть о позе и приличии. Позже симптому усилились. Тошнотворный спазм в солнечном сплетении при виде счёта за ипотеку – дело не в деньгах, а в том, что следующие двадцать лет моей жизни уже посчитаны, упакованы в коробки и принадлежат банку. Острое жжение на коже при получе-

нии письма от клиента в воскресенье вечером: «Даниил, тут небольшая правка, к утру жду результат». Мир сузился до размеров экрана ноутбука, его свечение было единственным закатом, который я видел за последние пару месяцев.

Воздух в офисе был стерильным, душным, пах не кислородом, а страхом. Страхом опоздать, не соответствовать окружению, выпасть из обоймы. Врачи разводили руками. Кардиограмма рисовала идеальные зубцы. Анализы крови могли бы послужить эталоном для учебников. Тревожное расстройство – заключил невролог, выписывая очередной антидепрессант. Вам нужно снизить нагрузку, расслабиться. Психотерапевт, женщина с бездонными, уставшими глазами, предлагала технику «переформулирования». Я пытался. Переформулировал «я в ловушке» в «у меня стабильная работа», «я задыхаюсь» в «период высокой нагрузки», «мне скучно» в «время для карьерного роста». От этого становилось только хуже. Ложь, особенно сказанная самому себе, имеет вкус дёгтя. Я понимал, что они все лечат не ту болезнь. Проблема была не в стрессе и не в усталости. Проблема была в самой субстанции моей жизни. В её составе. Я будто питался пластилином – он мог быть разноцветным, привлекательной формы, но мой организм отказывался его усваивать. Тошнило не от переедания, а от самой пищи. Отравлялся не яд, а антидот, который все вокруг называли «нормальностью». У этого состояния было одно, выжженное в подсознании название.

Аллергия. Острая, мучительная, прогрессивная реакция на «нормальную» жизнь. На её расписание, цели, представления об успехе. На её отношения, построенные на взаимной полезности. На её тишину, густо наполненную невысказанным. Организм, душа, каждое нервное окончание – всё во мне отторгло этот кодекс, написанный неизвестным автором. Я задыхался в его ватных, душащих объятиях. Мой дух покрывался красными, зудящими пятнами отчаяния при каждом прикосновении к его ткани.

Меня зовут Июль. Это имя я выбрал себе сам, в день, когда понял, что больше не могу быть тем, кем должен. Оно пришло не из головы, а из самых глубин - вспыхнуло, как факел в бездне, в которую я никак не осмеливался заглянуть. Факел, который так сильно старался скрыть от меня мир. Июль. Месяц солнца, земляники, грозового воздуха, пахнущего сырой землёй. Месяц, когда время растягивается, как горячая карамель, и кажется, что всё возможно. Это имя – мой первый, тихий протест неповиновения гравитации, что прижимала к офисному креслу. А эта история – подробный отчёт об опасном эксперименте по выживанию в среде, к которой у меня не было иммунитета. Или о его мучительном обретении.

Антиген

Контора «Креатив Маркет» занимала не просто этаж – она занимала целую вселенную, заключённую в стекле и бетоне башни «Меркурий-Сити». Здание было прекрасным образцом современной архитектуры: холодные линии, зеркальные фасады, отражавшие хмурое небо Москвы, и абсолютная стерильность. Это был идеальный механизм, отлаженный до немого шёпота, где даже скрип кресел был заглушен плотными коврами, поглощающими не только звук, но и, казалось, саму возможность спонтанного, живого жеста. Воздух, проходящий через фильтры, убивающие не только пыльцу и вирусы, но и любые намёки на настоящую жизнь, был особым – он пах дорогим кофе из машины, свежей краской на стенах, которые перекрашивали каждые двенадцать месяцев в цвет года по версии Pantone и подспудной, вездесущей тревогой. Тревогой, которую пытались заглушить ароматическими диффузорами с запахом зелёного чая и имбиря, но она просачивалась сквозь любые барьеры, как радиация или формальдегид в анатомическом театре. Он был призван создавать иллюзию свежести и заботы к эксплуатации человеческого труда. Мы были не сотрудниками. Мы были высокотехнологичными органами одного большого механизма, чья единственная функция – переваривать бюджет клиентов в контент. Моя роль в этой цепочке была чётко обозна-

чена в должностной инструкции и в умах начальства: старший специалист по цифровому сторителлингу. Звучало внушительно, почти поэтично. На практике это означало бесконечное превращение тонн сырого, часто бессмысленного контента в гладкие, легко усваиваемые порции для соцсетей. Я был высокооплачиваемой мясорубкой. Загружал в себя живую плоть идей, эмоций, иногда даже искренних порывов клиентов, и перемалывал их в однородный фарш трендовых форматов. Тот день начался, как и все остальные: утренний эспрессо из капсульной машины, беглый просмотр новостей через призму потенциальных инфоповодов для клиентов, планёрка в переговорной «Бэта», где Семён, наш тимлид, с лицом, выражающим стратегическую озабоченность, рисовал на маркерной доске схемы воронок конверсии. Я уже не слушал. За время работы здесь научился кивать в такт, издавая одобрительное «угу» в нужных местах. Но в тот день что-то было иначе. Он стал не просто последней каплей, а целым ведром ледяной воды, вылитой на мою дремлющую совесть. Возможно, накопившаяся усталость достигла критической массы, возможно, солнце, пробившееся сквозь смог и ударившее в стеклянную стену, осветило пыль на листьях искусственного фикуса с такой жестокой отчётливостью, что стало страшно. Я вдруг увидел нас всех. Марину, которая за полгода до декрета с маниакальной старательностью вылизывала каждый слайд, будто от этого зависела не премия, а спасение души. Петю из айти, чьи глаза за очками в

тонкой оправе никогда не отрывались от экрана. Свету, новую стажёрку, которая так старалась вписаться, что её улыбка напоминала предсмертную судорогу. И себя. Своё отражение в тёмном экране выключенного телевизора: человека в хорошей рубашке, с правильной стрижкой и пустым, выгоревшим взглядом, как у карася на льду рыбного прилавка. Я работал над компанией для сети эко-кофеен «Зерно». Клиент, Артём, молодой человек в очках за пятьдесят тысяч, с идеально подстриженной бородкой и взглядом, который сканировал не лица, а потенциал, требовал виральности и хайпа. Его презентация пестрела словами о глубоком погружении в болевые точки аудитории, эмоциональном интеллекте бренда, и создании сакрального опыта. Это звучало как заклинание, которому я, дурак, поверил. Решив, что за этими словами может скрываться хоть капля искреннего интереса к чему-то настоящему, я решил дать ему это настоящее. Это была моя исповедь. Моя скорбь по всему тому, что мы вытравливали из реальности каждый день, превращая её в контент-план. Вместо того чтобы сделать очередной ролик про идеальную пенку, я потратил неделю, сгноил два выходных и родил концепцию «Тихие разговоры». Это была серия мини-фильмов. Не про кофе. Про людей, чьи руки его создают. О бариста-стажёре, девушке с нарушением слуха, которая училась «слышать» кофе по вибрациям турки и пузырькам пара. Её мир был тихим, тактильным, настоящим. О старом обжарщике по имени Гиви, который разговаривал с зёр-

нами на смеси грузинского и русского. Он гладил их жилистыми руками, покрытыми ожогами и тёмными пятнами. – Они слышат, – шептал он мне. – Они же живые. Им страшно в огне. Надо уговорить их, убедить раскрыться. Я снимал его, и моя камера, обычно ловящая гладкие картинки для соцсетей, вдруг начала видеть трепет ресниц и игру света на морщинах, похожих на карту неизвестной страны. О уборщице, немолодой женщине, которая в пять утра, прежде чем включить пылесос, протирала столы тряпкой, вышитой её дочерью, и это был её ритуал заботы о пространстве. Я вложил в это всё живое, что у меня осталось. Всю тоску по-настоящему, по тихому подвигу повседневности, по красоте несовершенства. Эти истории были не для бренда. Они были вопреки бренду и всему этому глянцево-бездушному миру, в котором мы вращались. Снял сам, на свою камеру, выпросил у коллег из видео-отдела монтажёр. Получилось неидеально, немного дёргано, но главное дышало. В кадре была жизнь, а не её симулятор. Показ проходил в переговорной «Альфа». Артём щёлкнул презентацией, включил финальный ролик. На экране Гиви гладил мешок с зёрнами, шепча что-то на непонятном языке. Камера ловила морщины на его руках, похожие на русла высохших рек. В тишине переговорной это должно было прозвучать громом. Ролик закончился. Пустота повисла на секунду дольше, чем нужно. Артём откинулся в кресле из кожи бизона, сцепил пальцы. Его плоский взгляд скользнул по мне, потом по моему началь-

нику, Семёну.— Слишком... медитативно — произнёс он наконец, растягивая слова.— Слишком философски. Не вижу хлеба. Где хлеб? Нам нужно что-то динамичное. Взорвать. Вот, смотрите, — он ткнул в свой ноутбук, — у конкурентов щенков в кофейнях используют.— Вот! — его голос оживился. — Вот оно! Милота! Позитив! Лёгкость! Люди хотят лёгких эмоций. Как сладкая вата. А вы мне подсунули... — он кивнул в сторону экрана, где замерла улыбка Гиви, — чёрный хлеб с солью. Полезно, да. Но кто это будет есть добровольно?— Вот! — его голос оживился. — Вот оно! Милота! Позитив! Легкость! Люди хотят легких эмоций. Как сладкая вата. А вы мне подсунули... черный хлеб с солью. Полезно, да. Но кто это будет есть добровольно? Мир в тот момент не накренился и не рухнул. Он просто окончательно, бесповоротно обесцветился. Будто кто-то выключил единственный генератор, оставив лишь холодную, монохромную реальность. Я увидел не просто глупого, ограниченного клиента. Я увидел всю систему в её неприкрытой наготе. Всё это время мы говорили о творчестве и эмоциях, при этом совершая акт тотального насилия над смыслами. Это был конвейер, на который с одной стороны загружали живую ткань, а с другой, — получали перемолотую в яркую, одноразовую конфету блевотину. А я был тем, кто добровольно, за хорошие деньги, крутил ручку этого конвейера. Мои идеи, те самые, от которых когда-то бежали мурашки по коже и сжималось горло, лежали мёртвым грузом где-то на дальней полке сознания, покры-

ваясь толстым слоем забвения и стыда. Я разменивал свой внутренний завод, способный производить целые штормы чувств и образов, на оплату аренды стильной однокомнатной клетки в лофтовом квартале и доставку правильной, сбалансированной еды, на которую мне было всё равно, потому как вкус давно стал фоновым шумом. Я чувствовал себя глубоким инвалидом духа. Тишина внутри после этой мысли была страшнее любого шума. Это была тишина опустошённого храма, в котором обнаружили, что бог – это бутфорский идол, набитый банкнотами. Я вышел из переговорной, прошёл мимо коллег и сел в лифт. Стеклокабина плавно понесла меня вниз, открывая панораму города – этого гигантского, сверкающего муравейника, живущего по тем же законам. Производить. Потреблять. Отчитываться. И я был его идеальным гражданином. До сегодняшнего дня. Вечером, стоя под ледяными струями душа моей безупречно отделанной ванной, я пытался смыть с себя липкое, ввевшееся чувство фальши. Я тёр кожу мочалкой до красноты. Оно не смывалось. Оно было не на коже. Оно было под ней. В тканях. В мышцах. В костях. Зуд. Нестерпимый, всепроникающий зуд от соприкосновения с миром, который я сам себе построил и который теперь меня отравлял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.